

Точка зрения

Г.Л. ИЛЬИН

Размышления о бюрократизации и коррупции в отечественном образовании

Ильин Георгий Леонидович — доктор педагогических наук, профессор МПГУ, МГГУ, главный научный сотрудник Исследовательского Центра проблем качества подготовки специалистов МОН РФ (Москва).

В 1972 году окончил психологический факультет МГУ, в 1980 защитил кандидатскую диссертацию по психологии научного творчества, в 1996 — докторскую по теоретическим основам проективного образования, в 2000 получил звание профессора.

Автор 150 публикаций по проблемам инженерной психологии, психологии научного творчества, теоретическим проблемам современного образования.

В статье рассматривается явление бюрократизации и связанной с ним коррупции в историческом контексте, в особенности в сфере образования. Отмечается роль образования в распространении коррупции. Определяются психологические корни коррупции и исторический резонанс ее существования. Бюрократия определяется как социальное свойство государства. Выделяются исторические виды коррупции.

Слово «бюрократия» означает «власть стола», то есть власть чиновника, сидящего или стоящего за столом (бюро) и решающего или только сопровождающего решение вопросов посетителей, оформляющего необходимые документы. Это этимология слова, исходное значение, объясняющее его латинское происхождение, — бюрократия. По существу, эта фигура социальной жизни известна со времен шумерских и вавилонских царей или египетских фараонов под именем писцов с их глиняными табличками или папирусами для ведения записей об актах общественной жизни. Сколь важна и почитаема была в древности эта фигура, явствует из дошедшего до наших дней древнеегипетского текста «Поучение Ахтоя», известного всем гимназистам начала прошлого века, в котором показывается преимущество профессии писца перед прочими ремеслами. Это преимущество было в умении читать, считать и писать, разумеется, по указанию начальства или в соответствии с ним. При этом само начальство могло не владеть грамотой, а то и знанием дела, поэтому вся ответственность ложилась на писцов, которые и пользовались ею в меру своего разумения, породив то, что ныне называется коррупцией.

Коррупция (от лат. *corrumpere* — «растлевать») — термин, в современном понимании обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и общепринятым моральным установкам, то есть взяточничество. Как правило, совершается негласно. Наиболее часто этот термин применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. Коррупция является крупнейшим препятствием к экономическому росту и развитию страны, способным поставить под угрозу любые преобразования, как это и наблюдается в современной России.

От коррупции как производной бюрократии страдали все страны и государства всех времен. Достаточно вспомнить отечественную историю, относящуюся к периоду первого строительства го-

сударства западного типа, — анекдот о разговоре Петра I с обер-прокурором Ягужинским, когда на требование царя повесить всех виноватых в казнокрадстве, он ответил, что на всех не хватит веревок. Дерзкий ответ вразумил царя и, вместе с тем, показал размеры общественной язвы, которая с тех пор лишь разрасталась (литературный пример тому — «Ревизор» Н.Гоголя или «Дело» А.Сухова-Кобылина) — по мере роста бюрократии росла коррупция. Бюрократия, или чиновничество, как и коррупция, средство личного обогащения (взяточничество, мздоимство, вымогательство), была «плоть от плоти» государства.

О необходимости бороться с бюрократией говорили с первых лет советской власти, также создававшей новый тип государства, а стало быть, и бюрократии. Но к тому времени появилась теория «научной организации труда» (Тейлор, Вебер, Файоль), основанная на работе «бюро», в свете которой стало важно различать «плохую» бюрократию и «хорошую» (вспомните Политбюро ЦК КПСС). «Плохая» связывалась с волокитой, рутиной, бездушным отношением к людям. «Хорошая» означала рационализацию делопроизводства, деятельности сотрудников и страны в целом. «Хорошая» бюрократия способствует процветанию организации и государства, «плохая» — их разложению. Напомним высказывание В.И. Ленина, относящееся к 1922 г., когда решался вопрос о строительстве нового государства. В нем говорилось о необходимости работать рационально, налаживать государственный аппарат: *«Достать литературу надо и немецкую и американскую, собрать все сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической»*. Ясно, что в нем говорилось о «хорошей» бюрократии. Словом, стало очевидно, что бюрократия как аппарат управления необходима любому государству, независимо от его политико-экономического строя.

Но в «сталинское время» была создана новая бюрократия, основанная на принципах законности советского государства, которые должны исполняться и исполнялись, несмотря на личное правосознание чиновников или судей, выносящих приговоры. Все было подчинено идеологии советской государственности, отличавшейся от европейских государств, в частности, отношением к принципу «презумпции невиновности», известному со времен Хаммурапи. Это отличающее обстоятельство («презумпция виновности», обоснованная А. Вышинским) в значительной степени способствовало уменьшению коррупции в стране под страхом наказания, вплоть до 60–70 годов, то есть в связи с «оттепелью» и последующим «застоем», когда угроза наказания потеряла свою действенность и наступил период «человеческих отношений» («human relations», в западном понимании) в управлении государством, когда коррупция приобрела своеобразные формы в виде сотрудничества чиновников с «цеховиками», де-

лящимися с правящей властью своими доходами в обход государства.

В наше время смены социального строя и очередного поиска формы государственности старая бюрократия советских времен сменилась более хищной и жадной, от высших чиновников до мелких исполнителей поручений, почувствовавших невиданные возможности обогащения. Отсутствие законодательства, соответствующего новой социальной реальности, наряду с политическим лозунгом «что не запрещено, то разрешено», породило гигантские спекуляции и махинации в экономической сфере, способствовало небывалому росту коррупции. Вместо «цеховиков» возникли «олигархи», с их чиновничьими «крышами», также понуждаемые делиться с властью в обход государства. А стремление упорядочить процесс управления страной, выраженное в построении «управляемой» или «суверенной демократии», «вертикали власти» и «ручного управления», привело к дальнейшему росту бюрократии, несмотря на постоянные заявления верховной власти о ее сокращении и ужесточении борьбы с коррупцией. Судя по СМИ, коррупция достигла небывалых размеров под прикрытием все той же бюрократии, когда все сделки совершались при посредничестве того или иного чиновника, дающего разрешение на их проведение. При этом неразработанность законодательства при смене экономических формаций («плановой» и «рыночной») позволяла чиновникам своеобразно толковать существующие законы или игнорировать их при решении возникающих вопросов.

Вот уж когда стали актуальными старинные изречения вроде «закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло», отражающие возможность толкования законов, указов и постановлений в ту или иную сторону. Другое высказывание, не менее выразительное, «на чем сидишь, тем и кормишься», выражает возможность получения доходов с должности, какой бы она ни была, от пастуха до прокурора, помимо зарплаты, как бы велика она ни была. Наконец, можно привести еще одну поговорку советских времен: «ты здесь хозяин, а не гость, тащи отсюда всякий гвоздь» (имеются в виду так называемые «несуны», мелкие расхитители государственной собственности), которая отразила настроения народа непосредственно перед «перестройкой» и явилась предпосылкой будущего разграбления страны в гигантских масштабах.

В коррупции оказывались замешаны все ветви власти — и законодательная, и исполнительная, и судебная. Первая, потому что не принимала нужных законов, которых требовала большая или «здоровая» часть общества, вследствие лоббистских, то есть коррупционных влияний. Вторая, потому что покрывала или не принимала к рассмотрению «до особого указания» крупные экономические преступления, исчисляемые тысячами, миллионами и даже миллиардами долларов, ограничиваясь мелкими или уголовными правонарушениями. Третья, потому что зачастую

прокуратура оказывалась «крышей» для правонарушений в системе исполнительной власти и, более того, участвовала в их организации. И чем стремительнее происходило разложение ветвей власти, тем более привлекательнее и многочисленнее становились персонажи на экранах телевизоров, отражающие «доблестную работу» служб этих властей. Впрочем, это отдельная тема власти и «кривого зеркала» искусства.

***

Не избежала этих процессов и сфера образования. С начала 90-х годов «рыночная» экономика привела к появлению платных образовательных услуг, как в вузах, так и в школах и дошкольных учреждениях, что породило множество образовательных учреждений, стремящихся оказывать такие услуги. Процесс начался в сфере высшего образования, и особенно в социально-гуманитарной сфере, но постепенно охватил все звенья образовательной системы страны. Все это было связано с переходом к так называемому «сервисному» обществу, как еще называют общество с рыночной экономикой. Напомним, что на «Западе» под «сервисом» понимается банковское дело (клиенты), транспортное обслуживание (пассажиры), торговля (покупатели), услуги, связанные с бытовой техникой (клиенты) и медициной (пациенты), бесприбыльная экономическая деятельность, все потребительские услуги, все услуги, связанные с государственным, муниципальным, местным управлением (посетители), включая судебную защиту и судопроизводство (граждане), то есть виды деятельности, обслуживающей многоликого потребителя. Западное общество называют также «потребительским», поскольку все производится в соответствии с потребностями и желаниями того или иного потребителя, а не производителя.

Платные услуги появились не на пустом месте — изменилась политика государства в области образования, федеральное финансирование сменилось региональным и муниципальным, что неизбежно привело не только к снижению финансирования, но и к ухудшению состояния образования в стране, особенно в дотационных регионах. Отсюда потребность в платных образовательных услугах. При этом уменьшение федерального финансирования образования во всех его звеньях — от дошкольного до послевузовского — было «идеей фикс» министерства образования последнего десятилетия, аналогичной известному изречению «И все-таки Карфаген должен быть разрушен!». Под Карфагеном имеется в виду традиционная система образования. Суть идеи — в переносе тяжести образовательных услуг с государства на потребителей — учащихся и их родителей — во всех звеньях образовательной системы без учета их готовности к этому действию. С этой идеей связано, например, и уменьшение бюджетного финансирования школ и вузов, и «замораживание» стипендий и зарплат преподавателей вузов, и разрешение на совместительство в разных учебных учреждениях, и «вели-

кодущее» разрешение президента Медведева учащимся сочетать учебу с работой (практика, в действительности, давно устоявшаяся в высшем образовании, но не способствовавшая качеству образования ни в заочной, ни в вечерней, ни в очной форме).

Снижению федерального бюджетного финансирования сопутствовал демографический спад и уменьшение населения страны в результате распада Советского Союза, сопровождавшегося экономическими кризисами. Переход государства от социалистического принципа «всем сестрам по серьгам» к рыночному принципу «этому дала, а этому не дала...» породил соперничество между учебными учреждениями. Школы были вынуждены бороться за учащихся в силу введенного «подушевого распределения» бюджетных средств — чем больше в школе учащихся, тем больше средства она получает. Это не могло не привести к дифференциации школ на «процветающие» и «худосочные» (не путайте с библейскими «тучными и тощими коровами»). Статус первых имели получить шанс некоторые городские школы, остальные (сельские и поселковые) были обречены на вымирание. Вузы же в условиях демографического провала, то есть снижения численности учащихся и, вместе с тем, сокращения бюджетных ассигнований на поступающих, вынуждены были заманивать к себе потенциальных студентов, держаться за всякого, особенно «платного» абитуриента, забредшего к ним на собеседование или просто по ошибке направившего документы, а затем удерживать его у себя на протяжении всего периода обучения. Все это вело к снижению критериев профессионального отбора.

Даже в социально-гуманитарных и экономических вузах, казалось бы, переживавших лучшие времена (увеличение численности учащихся, связанное с повышением числа вузов), увеличение числа студентов привело к падению качества их образования — вузы снижали требования к полученным знаниям для сохранения численности своих учащихся. Но выпускники с такой подготовкой не могли обеспечить эффективное общественное производство. К тому же большинство выпускников вынуждено было искать сферу занятости, далекую от полученной специальности, используя полученный диплом лишь как свидетельство о высшем образовании, неважно, где и как полученном, но которое все же котируется на рынке труда. Падению эффективности общественного производства способствовало снижение выпуска технических специалистов, и особенно «синих воротничков», квалифицированных рабочих, то есть выпускников с довузовским образованием.

Укрепление «вертикали власти» в образовании сопровождалось, например, решениями о сокращении числа вузов, не отвечающих требованиям организации учебного процесса (уменьшение выдачи лицензий или их продления), а также о единовременном выделении государственных грантов отдельным учителям, преподавателям, школам и университетам.

Эти решения в особенности способствовали укреплению власти бюрократии в худшем ее виде и увеличению коррупции в школах и вузах. Первое, «лицензионное», было связано с условностью критериев оценки, используемых для решения вопросов о продлении или закрытии лицензии. Правило коррупционно-бюрократическое было достаточно простым — «если хочешь жить — плати». Второе, связанное с грантами, не в меньшей степени определялась условностью критериев отбора кандидатов на гранты. И здесь действовала система «отката» — «за полученный грант отдай его часть», не просто в виде налога государству, тоже немало, а в форме взятки. Получение и выплата каждого гранта сопровождалось огромным количеством отчетных документов. Неудивительно поэтому отсутствие энтузиазма у кандидатов на гранты и распределение грантов, в основном, среди «проверенных» людей.

Но это было лишь частью бюрократической машины. «Растление» продолжалось и в самих учебных учреждениях. Даже те средства, которые приходили в учебные учреждения тем или иным образом (дотации, субсидии, гранты и пр.), оседали на административном уровне, не доходя или в ничтожной мере доходя до исполнителей — воспитателей, учителей, преподавателей. Как известно, любой бюрократической организации свойственно стремление к расширению (ироничный, но справедливый «закон Паркинсона»). И чем более громоздкой являлась организация, тем меньшим было влияние исполнителей на верховную администрацию. К примеру, некоторые московские вузы разбросаны по всему городу, их факультеты территориально разобщены, не имеют информации друг о друге. Общие собрания представителей факультетов проводятся, разве что по большим праздникам. Финансовая деятельность вузов не освещается. Премии, дополнительные оклады, надбавки, бонусы — все это оказывается в полном распоряжении администрации, их распределение тщательно скрывается — отсюда колоссальный разрыв в доходах руководителей и исполнителей. Недовольных исполнителей либо увольняют, либо делятся с ними доходами, «крохами с барского стола».

«Растление» (коррупция) коснулось и самих воспитателей, и учителей, и преподавателей. В условиях снижения зарплаты, в новых социально-экономических условиях, не ощущая поддержки государства, они были вынуждены искать дополнительные источники доходов. Это были и дополнительные ставки, и побои с учащимися, и репетиторство, и прямое вымогательство за оценки. Правительство в лице министра образования вполне могло заявить, по примеру Петра I: «Профессия сия воровская и оплате не подлежит». Но не вы ли и довели ее до такого состояния?

Поучительна история ЕГЭ (единого государственного экзамена), который сдают учащиеся по выходе из школы «во всех городах и весях» РФ и который служит свидетельством их успехов при поступлении,

главным образом, в вуз. Он ведет свое начало вовсе не от тестовых заданий Гальтона и Бине, вовсе не от армейских тестов США, а скорее от императорского Китая, где испытания учащихся — кандидатов на государственную службу проводились с начала первого тысячелетия н. э. и продолжались до начала XX столетия. В нашей стране он задумывался как объективное средство борьбы с субъективностью педагогов при оценивании знаний учащихся и как средство повышения качества образования. Оправдал ли он эти надежды?

О качестве образования не будем говорить, о его падении известно давно, ЕГЭ лишь по-своему выявил его и способствовал его падению. Поговорим об объективности. Есть байка про игровой автомат — вы можете выиграть на нем большую сумму за счет случайного выпадения чисел, но не забывайте, что у него есть хозяин, которому может не понравиться ваш выигрыш. Так и с ЕГЭ. Это лишь видимость — объективное оценивание, оно регулируется невидимым «хозяином», который в действительности оценивает ваши знания отнюдь не объективно. И это показали многочисленные и теперь уже многолетние нарушения при проведении ЕГЭ. Если раньше был учитель и учащийся, то теперь между ними помещен инструмент оценивания, которым действует и управляет, отнюдь не учитель, а организатор процесса оценивания — чиновник, бюрократ. Можно возразить, что чиновник может быть хорошим бюрократом, но ответим на это, что в условиях всеобщей коррупции он будет выглядеть «белой вороной».

Более того, в образовании появляется фигура репетитора, готовящего к поступлению в вуз, то есть предлагающего свои платные образовательные услуги, фигура, бывшая и ранее, но ставшая особенно необходимой и значимой ввиду легитимизации платных услуг и снижения качества школьного образования. Да и учитель в школе все более превращается в человека, не излагающего сведения из определенной области знаний, а натаскивающего на ответы по ЕГЭ. Помимо того, что сама процедура ЕГЭ, крайне бюрократическая, начиная с заполнения анкет до сообщения результатов, да и процесс оценивания анонимизируется, становится непрозрачным. Неудивительно поэтому сообщения о росте коррупции. «С введением ЕГЭ школьная коррупция выросла в 20–25 раз, обогнав коррупцию вузовскую», — к таким выводам пришли эксперты, проанализировав факты из СМИ» (Педсовет.org, 12-й Всероссийский интернет-педсовет).

Напомним различие «плохой» и «хорошей» бюрократии: первая разлагает организацию, вторая способствует ее развитию. Вторая свойственна скорее молодым, развивающимся организациям. Первая свидетельствует о деградации образовательных учреждений, особенно образовательных «монстров», оставшихся после советского периода, но теряющих свою былую эффективность в новых социально-эко-

номических условиях. Нашу нынешнюю образовательную систему следует отнести к разряду плохих бюрократий именно по критерию коррупции. Когда над учебным процессом, происходящим в аудиториях и лабораториях, выстраивается громоздкая система управления, которая не только берет узаконенную долю доходов от учебного процесса, но и присваивает их большую часть без ведома большей части участников процесса, — это и есть коррупционная бюрократия в образовании.

Нынешняя бюрократизация, а следовательно, ритуализация образования сопровождает процесс «окостенения» управленческих образовательных структур. Узкая специализация ведет к потере целостного смысла обучения у отдельных представителей образования — не только у преподавателей, но и, прежде всего, у школьников и студентов. Как форма профессиональной деятельности, учебная деятельность становится все более канонизированной, определяемой все более усложняющимися правилами и условиями, особенно в условиях «управляемой демократии» образовательного процесса, означающей увеличение отчетности со стороны администрации учебных учреждений. Со стороны учащихся, в частности, студентов, соблюдение правил учебной деятельности, написание работ в рамках сложившейся тематики, в рамках правил их оформления становится порой важнее достижения цели самой учебной деятельности, а правильная организация поиска цели работы учащимися — важнее самой цели. Цель, найденная помимо этих правил, подвергается сомнению или отвергается. Более того, поиск цели вне этих правил объявляется незаконным.

Заметим вновь, что не всякая бюрократия является «плохой», но лишь зараженная коррупцией, особенно бюрократия нашей образовательной, да и социальной системы, сверху донизу пронизанная ее «метастазами». И самым негативным ее признаком является массовость — коррупция стала настолько массовой, что превратилась в составляющую образа жизни, изменить который не в состоянии ни обилие тюрем и лагерей, ни веревки для наказания виновных. Отрубание рук или даже голов для избавления от коррупции эффективно лишь на первом этапе ее развития, когда она носит характер отдельных проявлений. Позднее она обретает авторитетных (и в криминальном, и в обычном смысле) покровителей в лице лоббистских групп в правительстве и Государственной Думе, отношение к коррупции либерализируется, мол, «кто у бога без греха, у царя без вины». Да и наша судебная власть, как показывает процесс, связанный с казино, далеко не безупречна, попросту говоря, коррумпирована.

***

Но обратимся к пониманию термина «бюрократия». Из статьи, казалось бы, ясно, что к бюрократам могут быть отнесены и египетские, и вавилонские пис-

цы, и китайские письмоводители, и российские приказные дьячки, и столоначальники, и современные отечественные и зарубежные начальники, руководящие не только промышленностью и военными ведомствами, но и научными, медицинскими учреждениями, то есть социальный слой людей, выполняющий определенную общественную функцию, отделенную и даже отчужденную от интересов и потребностей общества, исполняющий закон или правила, принятые некогда в данной социальной среде. Кто может быть отнесен к этой группе людей? Кто получает эту власть, дающую дополнительный источник дохода, как бы ни оплачивалась эта власть? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к теории управления, а именно — к социологии и психологии управления.

Все названные нами исторические фигуры (писцы, дьячки, начальники) связаны с государством, а стало быть, с необходимостью управления. Управление всегда предполагало организованную деятельность людей, необходимость воздействия на них, причем на всех уровнях, от монарха, государя, президента до завхоза, управдома и тренера спортивной команды. Всех их связывает идея управления, все они управляют подчиненными. Можно ли всех их считать бюрократами? Или бюрократами считать только тех, кто имеет дело с бумагами, которые заслоняют живого человека, которые мыслят абстрактно, хотя и по правилам, но без учета реальной обстановки? Или, наконец, это человек, обладающий властью и непосредственно взаимодействующий с посетителем?

Нам кажется, что бюрократия — это вовсе не особое сословие общества, каким его изображают средства массовой информации, а существенное свойство государства, которое не может существовать без бюрократии — людей, следящих за соблюдением и претворением в жизнь общих правил и законов данного государства, людей, составляющих само государство. Бюрократ — это человек, соблюдающий правила, указания и инструкции, безотносительно к конкретной ситуации, в которой они должны применяться. А общие правила и законы пронизывают всю жизнедеятельность людей в государстве, связанной с управлением. Законы могут быть жесткими или мягкими, человечными или бесчеловечными в оценке тех или иных слоев общества или отдельных людей.

В этом понимании бюрократами являются все люди, относящиеся к управлению, в частности, образовательной системе управления государства — от министра образования до преподавателей вузов, учителей общеобразовательных школ и воспитателей дошкольных учреждений. То есть каждый из участников образовательной системы становится бюрократом, заняв определенную должность. Именно должность делает нас «бюрократами», людьми, которые принимают решения по заранее определенным должностным инструкциям или указаниям, в соответствии с имеющимися сведениями, изложенными устно, на бумаге или в компьютере, независимо или

вопреки реальной или не вполне понятной и «нештатной» ситуации. Словом, бюрократ — это социальная роль, которую играет и вынужден играть каждый участник государственной жизнедеятельности.

Заметим, что и в негосударственных учреждениях воспроизводятся те же структуры управления, порождающие бюрократию, как и в государственных учреждениях, хотя они отличаются формой собственности и могут сопровождаться более высокой оплатой, бонусами (премиями) и корпоративами (коллективными вечеринками), создающими иллюзию сближения руководства с персоналом. То есть формы собственности не меняют структуры управления.

Исполнение должности может быть различным — усердным, дотошным, старательным или безалаберным, равнодушным, пренебрежительным. При этом исполнитель может руководствоваться тремя основными ориентирами:

- быть лояльным; слово «лояльный» происходит от французского «loi», означающего «закон, законодательство», но в действительности может означать верность корпорации, то есть соответствовать не только закону, но и правилу, инструкции, принятой в данной организации;
- следовать «распоряжениям свыше», от непосредственного начальства, по «личному указанию», приказу руководства;
- проявлять собственную личность в решении вопросов, при этом возможны самые разные формы — от участливости до хамства, от великодушия до вымогательства.

Все это формы проявления бюрократии в разных ее разновидностях (от «хорошей» до «плохой»).

Как можно видеть, именно последняя форма проявления делает бюрократию либо обращенной к людям, либо отчужденной от них, то есть либо «плохой», либо «хорошей», если пренебречь суровостью или мягкостью законов или самодурством или либерализмом начальства. Чем меньше сила и влияние закона и чем меньше контролирует начальство текущие дела, тем большую свободу получает личная инициатива бюрократа. В наше время она приобрела во всех эшелонах власти небывалый размах и влияние. Четвертая власть — это вовсе не власть СМИ, которую они себе приписали, это личная власть бюрократа, казалось бы, исполнителя закона или чужой воли, какую бы должность он ни занимал. Это власть, отличная и от исполнительной власти, которая ее породила, и от власти законодательной, которую она воспроизводит или имитирует в конкретной ситуации, и от власти судебной, на которую она опирается в случае необходимости.

Кто становится бюрократом в глазах населения, если любой носитель должности является таковым? По-видимому, для этого надо обладать еще одним свойством должности — «чином», отсюда слово «чиновник». Но чиновник — это просто человек, находя-

щийся на государственной службе. Поэтому и отношение к нему «простолюдинов» (мещан, крестьян, купчихек) соответствующее, как к человеку, обладающему государственной властью. Отсюда обращение — господин. Но так было в дореволюционное время (до 1917 года). В советское время это различие сменилось на отношение работников партийно-государственного аппарата, с одной стороны, и рабочих и крестьян, с другой. И хотя в советское время все были «обобществлены» словом «товарищ», но всегда сохранялось различие: к одним «товарищам» обращались на «вы», к другим — на «ты». А после революции 1991 года вновь вернулись «господа», но только по отношению к «власть имеющим» — политикам, бизнесменам, а также начальникам, желающим видеть услужливость подчиненных. Одним словом, «чинопочитание» проявилось в новом виде. Да это и неудивительно — управление основано на субординации (подчинении) одних людей другим, что и отражается в языке.

***

Возникает вопрос, возможны ли изменения в бюрократических структурах, насколько они радикальны, или бюрократия так же бессмертна, как и мафия («мафия» по-итальянски означает «семья», то есть бюрократия так же бессмертна, как и семья — основа общества). Здесь следует обратиться к психологической природе человека, основного элемента этих структур.

Прежде всего, возникает вопрос о творческом отношении человека к делу, о котором так много говорится в современных теориях организации? Возможно ли оно в бюрократических структурах или хотя бы в деятельности человека, выполняющего возложенные на него обязанности? На первый взгляд, одно исключает другое: бюрократ — это человек, чье положение по определению исключает нарушения правил. Но поскольку мы заявили, что, с одной стороны, всякий человек, включенный в управленческую структуру, является бюрократом по положению, полномочиям и обязанностям, но, с другой стороны, следует признать, что он является просто человеком, которому, изначально, если верить гуманистической психологии, от природы присуще творчество так же, как птице летать, а рыбе плавать (А. Маслоу), то не следует удивляться, что и бюрократические структуры, включающие людей, претерпевают изменения в процессе существования, то есть им свойственны творческие изменения.

Здесь следует иметь в виду, что бюрократическое творчество бывает разным: конструктивным и деструктивным, то есть либо совершенствующим бюрократический аппарат, либо радикально изменяющим или разрушающим его. Бюрократия, как и сопутствующая ей коррупция, чрезвычайно живучий социальный феномен, переживший немало изменений в процессе своего развития в структурах государства, которое могло меняться и даже разрушаться, но бю-

рократия вновь восстанавливалась на его обломках, если государство воссоздавалось в той или иной форме. Однако если бюрократия развивалась в соответствии с гласным, известным разделением общественного труда, то коррупции, как теневому явлению, приходилось находить негласные формы в иных условиях. А это не могло не требовать от ее участников изобретательности и творчества. И, конечно, никто не мог знать лучше слабых сторон системы управления и использовать это знание в своих целях, кроме самих исполнителей — чиновников. Это и свои стратегии, и методы, приемы, технологии работы с посетителями, клиентами, пациентами, гражданами, студентами, школьниками — все они рождались в непосредственном контакте с «потребителем» и нигде не описывались. Конечно, эти новшества не были и не могли быть запатентованы, но что они существовали и неявно передавались от поколения к поколению, вне образовательной системы (поскольку, как известно, «в школе не учат плохому»), и что творились они повсеместно, «на каждом рабочем месте», сомнения нет.

С появлением в нашей стране разделения разных форм собственности (федеральной, муниципальной, корпоративной, частной и пр.) стало ясно, что между ними не может не возникнуть конкуренция за власть. А конкуренция предполагает противодействие, в том числе, в области изучения и толкования законов. Поэтому едва ли не первыми дисциплинами, преподаваемыми в негосударственных структурах на «курсах и факультетах повышения квалификации», стали экономика и право, и особенно способы уклонения от налагаемых государством налогов. Созданные корпорациями собственные, автономные образовательные структуры должны были формировать в сотрудниках «лояльность» к корпорации как отдельному социальному образованию, в том числе противостоящему государству. Именно здесь и замышлялись новые формы ухода от налогов, а по сути новые формы коррупции, приобретшие тем самым цивилизованный вид. Сейчас книгу с предложениями «как уйти от налогов» можно встретить в ряду других, вроде «как стать здоровым навсегда», как «добиться успеха в

жизни» или «как сохранить потенцию до ста лет». Образование едва ли не впервые было поставлено на службу коррупции, то есть стало распространителем ее идей.

***

Теперь несколько слов в защиту коррупции. Если явление существует так долго (с шумерской, древнеегипетской или китайской цивилизаций), то должен быть резон его существования в наши дни. Он действительно существует. В народе известно изречение «не подмажешь — не поедешь», оно относится не столько к телегам, сколько к канцелярскому делу, которое «скрипит без смазки», то есть без дополнительных стимулов в той или иной форме. Чиновники выполняют, как правило, рутинную работу, не приносящую радости, присущей творческой работе, поэтому интерес к работе проявляется только с появлением клиента с «подарком» или возможностью «подзаработать» на нем. Г. Попов, будучи мэром Москвы, предлагал даже издать своего рода «ценник» коррупции на услуги, оказываемые администрацией. Его идея была встречена таким же общественным неодобрением, как, в свое время, идея Фрейда о детской сексуальности. С тех пор детскую сексуальность признали, следовало бы признать и коррупцию как средство ускорения движения дела в условиях бюрократии. А поскольку бюрократия оказывается атрибутом государства, то пока живо государство, будет жить и бюрократия, а стало быть, и коррупция, способствующая ее функционированию.

Но как бороться с «раковой опухолью» коррупции, принявшей в нашей стране массовый характер, — с помощью ли веревки, как в петровские времена, с помощью ли гильотины, как во времена французской революции, или посредством нагана, как в сталинские времена? Оставим это решение на совести общества, которое должно освободиться от нее в избранной форме во всех сферах, чтобы продолжать жить дальше. Но пожелаем ему не переусердствовать, чтобы не было «скрипа» в бюрократических структурах, неизбежных в любом государстве.